

дней, последовавших за взятием Тюильри.

В очень часто упоминаемом историками письме Ролана от 3 сентября, жирондистский министр говорит об этих убийствах в выражениях, из которых ясно, что он тоже считал их неизбежными¹. Главное, чего он хочет, - это развить мысль, которая скоро станет любимым положением жирондистов: что если до 10 августа беспорядок и был нужен, то теперь все должно войти в рамки. Вообще говоря, жирондисты, как вполне верно заметили уже Бюше и Ру, «в особенности занимаются самими собой»; «они с горечью видят, что власть уходит из их рук и переходит к их противникам... Но они не находят оснований осуждать происходящее движение... Они не скрывают от себя, что только одно *могло спасти национальную независимость и оградить их самих от мести вооруженной эмиграции*»².

Самые влиятельные газеты, как «Moniteur» и «Revolutions de Paris» Прюдома, одобряли происшедшее: другие, «Annales patriotique», «Chronique de Paris» и даже Бриссо в «Patriote francais», ограничились несколькими холодными и равнодушными фразами. Что же касается роялистской прессы, то она, конечно, воспользовалась событиями, чтобы рассказывать повторявшиеся потом в течение целого столетия самые фантастические сказки. Мы не будем заниматься опровержением их. Но существует одна ошибка в оценке событий, в которую впадают и республиканские историки, и на нее стоит указать.

Несомненно, что число людей, убивавших в тюрьмах, не превышало 300 человек. На этом основании всех республиканцев, не положивших конец убийствам, обвиняют в трусости. Но ничего не может быть ошибочнее таких расчетов. Сама цифра, 300 или 400 человек, верна. Но достаточно прочесть рассказы Вебера (молочного брата Марии-Антуанеты), дочери г-жи де Турзель, Матон де-ла-Варенна и других очевидцев того, что происходило в тюрьмах, чтобы увидеть, что если сами убийства и были делом ограниченного числа людей, то вокруг каждой тюрьмы, в соседних улицах стояло множество народа, одобрявшего эти убийства и готового призвать народ к оружию против всякого, кто захотел бы помешать им. Впрочем, и бюллетени секций, и поведение национальной гвардии, и даже отношение видных революционеров показывают, что все понимали, что военное вмешательство было бы сигналом гражданской войны, которая, на чьей бы стороне ни осталась победа, повлекла бы за собой гораздо более многочисленные и еще более ужасные убийства и открыла бы Париж иностранному вторжению.

С другой стороны, Мишле сказал и многие впоследствии повторяли то же, что убийства эти были внушены страхом, страхом безосновательным; а страх, как известно, всегда жесток. Несколько сот лишних роялистов, говорят нам, не представляли опасности для революции. Но писатели, рассуждающие таким образом, не отдают себе отчета, по моему мнению, о настоящей силе реакции. За этими несколькимистами погибших в эти дни роялистов стояли десятки тысяч других - большинство, громадное большинство зажиточной буржуазии, вся аристократия, Законодательное собрание, департаментская директория, большинство мировых судей и громадное большинство чиновников. Вся эта плотная масса враждебных революции людей только и ждала появления немцев около Парижа, чтобы встретить их с распростертыми объятиями и начать с их помощью контрреволюционный «черный террор» - черное избиение. Достаточно вспомнить о «белом терроре» в царствование Бурбонов, когда они вернулись в 1815 г. под охраной иностранных войск.

¹ «Я знаю, что революции не рассчитываются на основании обычных правил, но я знаю также, что сила, которая производит их, должна поспешить стать под сень закона, если не хочет вызвать полное разложение. Гнев народа и начало восстания подобны действию горного потока, *низвергающего такие препятствия, которых не могла бы уничтожить никакая другая сила*: но, выходя из берегов, этот поток далеко несет с собой разрушение и опустошение, если только он не войдет скоро в берега... На события вчерашнего дня, может быть, следует набросить покров; я знаю, что народ, страшный в своей мести, все-таки вносит в нее некоторую справедливость; жертвой его ярости не падает все, что встречается ему на пути: его ярость направляется на тех, кого слишком долго щадил меч правосудия и на кого опасные обстоятельства указывают как на подлежащих немедленному закланию... Но спасение Парижа требует, чтобы все власти тотчас же вернулись в установленные для них границы».

² Buchez B. — J., Roux P. — C. Histoire parlementaire de la Revolution francaise, v. 1–40. Paris, 1834–1838, v. 17, p. 397. Нет сомнения, что жирондистские министры отлично знали, что происходит в тюрьмах. Известно, что военный министр Серван отправился 2 сентября после полудня в Коммуну, где у него было назначено в 8 часов свидание с Сантерром, Петионом, Эбером, Бийо-Варенном и другими для обсуждения военных мероприятий. В Коммуне, конечно, говорили об убийствах, и Ролан был извещен о них; но Серван, как и другие, решил, что нужно прежде всего заняться самым спешным — тем, что происходит на границе — и ни в каком случае не вызывать гражданской войны в Париже.